

Лилия Фаатовна Килина

Россия, Удмуртский государственный университет, Ижевск

Фрагментирование текстов русских летописей: лингвотекстологический подход

Ключевые слова: лингвотекстологический метод, летопись, жанр, стилистический, фрагмент

Key words: linguotextological method, chronicle, genre, stylistic, fragment

Abstract

The article proves that linguotextual method could be applied not only to study various lists of a literary text but to look into different fragments of the particular list as well. The paper justifies the need to use genre principle to point out certain fragments in Primary Chronicle. The author defines genre types of the fragments.

Применение лингвотекстологического метода, как правило, предполагает поэтапное исследование типологических, текстологических и собственно языковых фактов письменного памятника, представленного более чем в одном списке [Панин 1995: 98]. При таком подходе данный метод – это система научно-исследовательских приемов, используемых при изучении списков одного памятника с целью восстановления картины истории языка, получившей свое отражение в развитии языка памятника [Панин 1995: 101]. Именно поэтому *Повесть временных лет* (далее ПВЛ), сохранившаяся в нескольких списках, закономерно привлекает внимание исследователей, занимающихся лингвотекстологией. Сопоставление списков этого уникального памятника древнерусской литературы, сделанных в разное время и на разных территориях, позволяет не только определить особенности реализации того или иного языкового явления в каждом из списков, но и сделать выводы относительно общезыковых тенденций.

Однако не стоит забывать и о том, что текст ПВЛ является компилятивным: он создавался несколькими авторами, использовавшими различные источники, неоднократно редактировался, а потому сложен по структуре

и неоднороден с точки зрения жанрово-стилевых и языковых особенностей. Еще И. П. Еремин указывал на специфическую фрагментарность летописи, «в результате которой ослабевает связь между отдельными частями повествования» [Еремин 1987: 42]. Вследствие этого, на наш взгляд, при изучении данного текста имеет смысл сопоставление языковых фактов не только разных списков, но и разных частей одного списка. Для осуществления такого исследования необходимо разделить текст ПВЛ на фрагменты, «чтобы не смешивать разнородные по происхождению и социальному характеру элементы памятника» [Ларин 1975: 202].

Таковыми элементами, по мнению Б. А. Ларина, можно считать подлинные документы (дипломатические, законодательные акты), народные предания и фольклор, а также обрамляющий текст (страницы летописи, которые должны помочь читателю осмыслить исторические события в соответствии с христианской идеологией) [Ларин 1975: 202]. Приведенный перечень конкретизируется и расширяется в работах других ученых: договор, послание, житие, воинские повести, западные хроники, Библия, произведения устного народного творчества [Ковалевская 1978: 75]. О. В. Творогов в составе летописного текста выделяет погодную статью как основной элемент, а также «отдельные повести, жития, фрагменты из переводных и оригинальных сочинений, документы из княжеских архивов» [Творогов 2001].

В результате привлечения указанных источников при создании текста ПВЛ в этом памятнике письменности «присутствуют различные литературные жанры, различные диалекты» [Ларин 1975: 205], «представлен набор самых разных жанров и типов словесного выражения» [Колесов 1989: 84]. Значит, вероятнее всего предположить, что отбор языковых средств производился в зависимости от «принадлежности отдельных летописных статей к определенному жанру древнерусской литературы» [Ковалевская 1978: 75].

Действительно, жанрово-стилистическая дифференциация в древнерусском языке существовала, причем она не только не разрушала, но даже подчеркивала языковое единство Древней Руси [Шапир 1989: 296]. Кроме того, «стилистические разновидности книжного языка складывались, вопреки мнению Б. А. Успенского, не в XV–XVII, а уже в XI–XIV вв.» [Шапир 1989: 295], следовательно, в ПВЛ уже должны быть намечены хотя бы некоторые тенденции, которые впоследствии активно развиваются и приводят к формированию стилистической системы. Как нам представляется, обнаружить эти тенденции помогает обращение к лингвотекстологическому методу, весьма действенному при исследовании языковых особенностей «разножанровых» фрагментов, выделенных в тексте летописи.

Необходимо заметить, что попытки структуризации текста ПВЛ предпринимались и раньше, например, Д. С. Лихачевым при переводе ПВЛ. Ученый выделил некоторые фрагменты и дал им название: *Правление Олега, Мест княгини Ольги, Поход князя Олега на Царьград, Притча об Обрах, Предание*

об основании Киева, Сказание о белгородском киселе и т. д. Такое деление, конечно, нельзя назвать жанровым, думается, что Д. С. Лихачев не ставил перед собой задачу выявить фрагменты, близкие в жанрово-стилевом отношении; это, скорее, фрагментирование по событиям, в названиях которых иногда используются наименования жанров.

В. В. Кусков также выделил в тексте ПВЛ различные жанры: легенду (историческую, агиографическую), историческое сказание, историческую повесть, предание (историческое, топонимическое) [Кусков 2003: 48–83]. И. П. Еремин предложил более дробную классификацию форм повествования: погодная запись, летописный рассказ, летописное сказание, летописная повесть, документы [Еремин 1987: 40–64]. О. В. Творогов выделил по характеру повествования погодные записи, летописные рассказы, летописные сказания [Творогов 1981]. По мнению Н. С. Ковалева, в составе летописи можно выделить различные типы текстов: краткие сообщения о событиях, повести о князьях (героях и преступниках), батальные повести, рассказы на исторические темы, предания эпического характера и др. [Ковалев 2001: 30–31]. Формально, конечно, в основе упомянутых классификаций лежат разные параметры (жанр, форма повествования, характер повествования, тип текста), но по сути перед нами проявления одного и того же подхода – учета принципа жанрового деления (повесть, сказание, рассказ, предание, легенда).

Несмотря на то, что «размытость границ и незавершенность процесса делает жанровый подход при изучении поэтики раннего русского летописания затруднительным и малопродуктивным» [Пауткин 2002: 12], полностью отказаться от жанрового принципа деления на фрагменты вряд ли получится. Безусловно, при таком подходе у исследователя возникают большие трудности в определении специфических черт фрагментов одного типа, так как ко времени создания ПВЛ еще не было сформированных жанров и стилей.

Очевидно, что на раннем этапе древнерусская литература «опиралась на собственную устную традицию и на письменную традицию соседних народов», причем обе эти традиции «сосуществовали в начальный период русской письменности» [*Истоки русской беллетристики* 1970: 24]. В. В. Колесов указывает на «диалектическое единство первоначально недифференцированных (ни семантически, ни формально) литературных образцов как переводной, так и народной словесной культуры» [Колесов 1989: 130]. По этой причине очень трудно различить народные и книжные жанры, «в зависимости от темы один и тот же жанр можно было развернуть в ту или иную сторону» [Колесов 1989: 131].

Данное положение подтверждают летописные тексты, которые изначально были связаны с произведениями «церковно-житийной» и «церковно-учительной» литературы, однако очень быстро стали развиваться под влиянием разнородных факторов, обусловленных реальной действительностью, сложившимися веками обычаями, фольклором [Лихачев 1947: 143]. Именно

поэтому один из важнейших жанров древнерусской литературы – летописный – являлся открытой структурой, способной включать в себя разноплановые текстовые фрагменты, для разграничения которых необходимо определить критерии выделения того или иного жанра в древнерусский период. На этот счет существуют разные мнения.

Например, Д. С. Лихачев указывал на то, что «основой для выделения жанра, наряду с другими признаками, служили не литературные особенности изложения, а самый предмет, тема, которой было посвящено произведение» [Лихачев 1979: 58]. По мнению А. А. Пауткина, именно тема «задавала направление деятельности средневекового писателя» [Пауткин 2002: 13], во многом определяя и стилистический облик произведения. Тематика, таким образом, выступает в древнерусской литературе «в качестве стиле- и жанрообразующего фактора» [Пауткин 2002: 15]. Мы согласны с тем, что в большинстве случаев тематический критерий будет основным, но далеко не единственным.

Так, С. А. Рылов обращает внимание на то, что функциональный вариант текста (жанр) возникает «в зависимости от специфики социальной информации и прагматической установки автора» [Рылов 2000: 193]. Н. С. Ковалев считает, что жанр в древнерусском тексте отражал «предназначение текста для использования в определенной сфере деятельности социума» и в отличие от современной языковой системы был тесно связан со стилем «как совокупностью способов реализации языковых единиц при построении текста» [Ковалев 2001: 54]. Интересно, что Н. С. Ковалев использует также термин *тип текста* для обозначения одной из жанровых разновидностей письменных древнерусских текстов, «образованных по единой композиционно-смысловой схеме и реализующих некоторые общие для этих текстов компоненты коммуникативно-прагматической установки» [Ковалев 2001: 30].

На наш взгляд, при проведении лингвотекстологического исследования летописей лучше не употреблять термин *жанр*, термины *функциональный вариант текста* и *тип текста* тоже кажутся не вполне удачными в данном случае, так как текст – это речевое произведение, обладающее смысловой целостностью и законченностью. Применительно к ПВЛ мы предлагаем выделять *жанровые типы фрагментов*, к которым не следует относить погодную запись (краткое сообщение о событиях) – она является формой представления текстового материала, способом организации текста, основным организующим принципом [Пауткин 2002: 6]. С учетом сказанного ранее основаниями для выделения жанрового типа фрагмента в древнерусский период могут быть: тематика, закрепленность за определенной сферой деятельности (функциональность), прагматическая установка автора, единство композиционной схемы, а также совокупность языковых особенностей.

При разработке методики фрагментирования текста ПВЛ по жанровым типам мы обратили внимание на то, что в большинстве случаев исследователи различают так называемые сказания, связанные по происхождению

с фольклором, устными преданиями, и рассказы об исторических событиях, свидетелем которых, скорее всего, был автор [Еремин 1987: 55–57; Лурье 1973: 86 и др.]. Фрагменты первого типа отличаются четко построенным, выразительным сюжетом [Лурье 1973: 86], изображением необычного, исключительного события [*Истоки русской беллетристики* 1970: 36], а фрагменты второго – реалистичностью, пространностью [*Истоки русской беллетристики* 1970: 44–45], документальностью, фактографичностью, протокольной конкретностью описаний, суховатой деловитостью тона [Еремин 1987: 58]. Как нам представляется, такое деление имеет смысл в первую очередь для ПВЛ, где обнаруживаются оба типа, особенно в начале повествования. В то же время необходимо принять во внимание и тематику фрагментов, о чем мы уже говорили выше. Тогда первый жанровый тип условно можно назвать народно-поэтическим, а второй воинским – с учетом того, что реальные исторические события, описываемые в летописи, чаще всего связаны с военными действиями.

Однако в ПВЛ представлены также фрагменты, которые не вписываются в указанные типы. Речь идет о двух больших частях текста, одна из которых посвящена созданию Печерского монастыря, а вторая – смерти Феодосия Печерского. Созданные в русле агиографической традиции, они должны быть, вероятно, отнесены к особому агиографическому типу, к которому, очевидно, примыкают и некрологи русским князьям (И. П. Еремин называл их летописными повестями), а также рассказ о смерти Бориса и Глеба. Отдельно следует рассматривать и договоры русских с греками, в которых явно прослеживается установка на регламентацию социально-правовых отношений, а не на сообщение о событии. Эти фрагменты можно отнести к особому типу, который условно мы назвали деловым, учитывая специфический характер текстов договоров, традиционно считающихся памятниками деловой письменности.

Таким образом, на примере текста *Повести временных лет* мы продемонстрировали, что лингвотекстологический метод может применяться при изучении не только разных списков одного памятника письменности, но и разных частей (фрагментов) одного списка. В результате проведенного исследования были определены жанровые типы фрагментов ПВЛ, которые являются прообразами «жанров, получивших затем самостоятельное развитие» [Лурье 1973: 93]. Следовательно, говорить о начале формирования функциональных стилей необходимо начиная с древнерусской эпохи, с момента появления на Руси письменных памятников. В ранних русских текстах мы, конечно, обнаруживаем едва заметные очертания тех стилевых особенностей, которые характерны для современной русской языковой системы, однако нам не составляет труда провести исторические параллели, определить ведущие тенденции развития этой системы.

Литература

- Еремин И. П., 1987, *Лекции и статьи по истории древней русской литературы*, Ленинград: Издательство ЛГУ.
- Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе*, 1970, отв. ред. Я. С. Лурье, Ленинград: Наука.
- Ковалев Н. С., 2001, *Древнерусский летописный текст: принципы образования и факторы эволюции (на материале Галицко-Волынской летописи): Учебное пособие*, Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета.
- Ковалевская Е. Г., 1978, *История русского литературного языка: Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература»*, Москва: Просвещение.
- Колесов В. В., 1989, *Древнерусский литературный язык*, Ленинград: Издательство Ленинградского университета.
- Кусков В. В., 2003, *История древнерусской литературы: Учебник для филологических специальностей вузов*, 7-е изд., Москва: Высшая школа.
- Ларин Б. А., 1975, *Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.): Учебное пособие для филологических специальностей университетов и педагогических институтов*, Москва: Высшая школа.
- Лихачев Д. С., 1947, *Русские летописи и их культурно-историческое значение*, Москва–Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.
- Лихачев Д. С., 1979, *Поэтика древнерусской литературы*, Москва: Наука.
- Лурье Я. С., 1973, *К изучению летописного жанра*, <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9785>; дата обращения: 23.11.2014.
- Панин Л. Г., 1995, *История церковнославянского языка и лингвистическая текстология*, Новосибирск: Издательство НИИ МИОО НГУ.
- Пауткин А. А., 2002, *Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания*, Москва: Издательство МГУ.
- Рылов С. А., 2000, Функциональная стратификация древнерусской и старорусской речи, *Вестник Нижегородского университета*, серия: Филология, вып. 1 (2), с. 187–196.
- Творогов О. В., 1981, *Литература Древней Руси: Пособие для учителя*, http://ppf.asf.ru/drl/tv4_1.html; дата обращения: 23.11.2014.
- Творогов О. В., 2001, *Лексический состав «Повести временных лет»: словоуказатели и частотный словарь*, <http://www.philology.ru/linguistics2/tvorogov-01.htm>; дата обращения: 23.11.2014.
- Шапир М. И., 1989, Теория «церковнославянско-русской диглоссии» и ее сторонники, *Russian Linguistics*, Vol. 13, с. 271–309.